

Р.Штейнер

Западные ложи и ариманическое бессмертие

Из GA 174

Исторические рассмотрения. Карма лжи. Часть II

Перевод с нем. А.А. Демидова

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Дорнах, 20 января 1917г.

Имея дело с какими-либо импульсами, связанными с духовным миром, будь то импульсы с той или иной стороны, надо уяснить себе, что понимание этих импульсов возможно только с помощью духовной науки. Мы видим, что в событиях современности играют роль импульсы, которые мы вывели из сил, исходящих от людей; однако от таких людей, в чьих духовных импульсах следует разобраться.

Перед нашей душой должен выступить вопрос: так почему же некоторые люди делают то, о чём мы вели речь? - И следующий вопрос: почему мы живём теперь в то время, когда в столь многих формах действует неправдивость, неправдивое; оно действует как сила, господствующая в мире, как сила, толкающая людей, толкающая людей к страданиям? Эти страдания были бы куда более целительны, если бы претерпевались ради правды.

Поистине, это вещи связаны, прежде всего, с самыми глубокими импульсами человечества. Мы подойдём поближе к этим вещам, приблизим их к нашему времени, если в наше исследование включим то, что связано с первоочередными задачами того духовнонаучного направления, к

которому мы приобщились. Вспомните, что благодаря нашей антропософски ориентированной духовной науке приобретает понимание некоторых духовных связей, существующих в мире, понимание некоторых сил, действующих в мире человека, действующих в человеческом мире не только, пока человек развивается от рождения до смерти, но также и тогда, когда человек развивается между смертью и новым рождением. Думать сегодня об этих вещах в правильном смысле современному человеку трудно, ибо он утратил некоторые качества, имеющиеся в древние времена развития человечества, качества, ушедшие на некоторое время в подосновы; качества, которые должны быть снова раскрыты, благодаря тому, что человек может заниматься духовной наукой. Мы достаточно хорошо знаем, что в древние, давно минувшие времена человеческая душа была связана с духовным миром более непосредственно, более естественно, эта связь достигалась как нечто, само собой разумеющееся. Мы называли её атавистической. Вот почему, как мы знаем, у людей не было даже возможности для того, чтобы сомневаться в бессмертии, в жизни после смерти. Впервые такая возможность появилась лишь в переходное время, на смену которому снова должно прийти время, когда будут знать о жизни между смертью и новым рождением. Ибо в древности совершенно естественным образом для человеческой души наступало некое состояние, как теперь наступают бодрствование и сон; человеческой душе было свойственно некое третье состояние. В нынешнем бодрствовании человек целиком и полностью замкнут в физически-чувственном мире, он живёт в физически-чувственном мире, он живёт во всём, что может он узнать между рождением и смертью благодаря своим чувствам и своему рассудку, связанному с мозгом. Тогда как во сне человек не имеет

сознания. Существа (die Wesenheiten) «я» и астрального тела, в которых пребывает человек между засыпанием и пробуждением, ещё недостаточно сильны для того, чтобы достичь соответствующего сознания. Мы знаем, что астральное тело стало впервые развиваться с (древнего) Лунного времени (*космоса Древней Луны - прим. перев.*), а «я» - лишь с земного времени. Эти сущности по меркам космического развития слишком юны, они ещё недостаточно сильны для того, чтобы развить сознание, если они освобождаются в период между засыпанием и пробуждением. Во всяком случае, во сне поднимаются сновидения, сны в самых разнообразных формах. Смотря по обстоятельствам, в этих сновидениях содержится уже очень многое от духовного мира. Очень многое из духовного мира живёт в сновидениях, но душа человека в её теперешнем состоянии неспособна видеть за сновидением, неспособна видеть то, что изживается в сновидениях. Сновидения - это обманчивые картины, ткущие себя из тумана майи. Если бы знали, как правильно истолковать их в каждом отдельном случае, то в сновидениях могли бы получать переживания прошлых времён, или пророческие предсказания будущего. Также в сновидениях получают отображение тех процессов, которые разыгрываются между живыми и умершими, когда человек находится в состоянии сна. Всё это получают благодаря сновидениям. Но человек на нынешнем этапе, ступени своего развития не понимает своеобразного языка сновидений, они остаются для него непонятными картинками, и это вполне естественно. Как европейец не может разобраться в звуках китайской речи, так и современный человек не может разобраться в образном языке сновидений.

Итак, в это переходное время человек действительно замкнут в том, что для него может

стать осознанным лишь благодаря более древним инструментам, благодаря эфирному и физическому телам, которые развивались с сатурнического и солнечного времени (*то есть в эпохи Древнего Сатурна и Древнего Солнца - прим. перев.*). И которые поэтому наделены так, что дают человеку возможность развивать сознание, когда он находится в них - то есть от пробуждения до засыпания.

Духовная наука, поскольку мы ею занимаемся, даёт нам понятия сверхчувственного мира, господствующего в чувственном мире и за ним. Те понятия и идеи, которые мы воспринимаем в духовной науке, которые мы делаем своими собственными, которые мы усваиваем, относятся к нечувственному, сверхчувственному. Они относятся или к тому, что лежит между смертью и новым рождением, или к тому, что лежит в сверхчувственном, лежит позади чувственного. Если мы это постигаем, то мы постигаем тем самым не только определённые теории; так, по крайней мере, не должно быть, ибо дело в не том, что мы знаем то или иное, а в том, чтобы наша душа, характер приобрели особую настроенность при восприятии таких, относящихся к сверхчувственному истин.

Трудно подобрать слова для этих вещей; ведь наша речь приспособлена для внешнего физического плана, так что сначала для нас должно быть трудно, использовать нашу речь для сверхчувственных отношений. Я мог бы сказать, всё то, что мы обычно понимаем, живёт в нашей душе как бы грубо, уплотнённо, ведь мы всегда используем инструмент мозга, который приучен к работе с идеями и понятиями, относящимися к физическому плану. Но когда мы выясняем то, что не относится к физическому плану, мы должны так напрячь нашу душу, чтобы при этом напряжении, при этом изучении духовной науки участие

головного мозга постепенно становилось всё меньше и меньше. И если у нас возникают трудности при понимании того, что даёт нам духовная наука, это связано с тем, что наш головной мозг при этом, в сущности, стесняет нас. Мозг действительно выдрессирован, приучен к работе с грубыми понятиями физического плана, и мы должны прилагать усилия, чтобы усвоить тонкие понятия сверхчувственного мира. Тонкими они являются лишь для нашего человеческого рассудка. Но это напряжение носит здоровый характер, оно здоровое для нас; это напряжение целиком и полностью хорошее, ибо тем самым мы душевно живём в этой духовной науке совершенно иначе, нежели живём мы в физическом знании, науке и представлениях. Мы погружаемся в мир подвижных, тонких представлений и идей, а это важно.

Это даёт всем вам возможность придти в такое состояние, когда вы в достаточной мере пребываете в той сфере, где ваше эфирное тело живёт само по себе, позволяя мозгу лишь слегка резонировать; это происходит тогда, когда вы чувствуете, что предоставляемое духовной наукой вы не можете мыслить по произволу, как повседневные понятия. Относительно повседневных понятий физического плана вы очень хорошо знаете, что вы их производите сами. Вы развиваете их в соответствие с повседневными требованиями жизни и жизненными отношениями, вы строите их в соответствие с симпатиями и антипатиями, в соответствие с тем, что служит вам извне образцом для чувств, для рассудка, связанного с мозгом. В духовной науке, если вы вникаете в предмет правильно, вы мало помалу получаете чувство: в сущности, всё это мыслю не только я сам, нет, прежде, чем я это помыслил, оно уже было помышлено, оно, в сущности, парит, витает здесь как мысль, и только входит в меня. Если вы

получили такое чувство, что оно, собственно, витает, парит в объективном мышлении мира, а в меня только входит, тогда вы многого достигли, тогда вы пережили отношение к тому тонкому эфирному миру реяния, парения и тканья, в котором живёт ваша душа. И тогда постепенное проникновение в сферу, которая является у нас общей с какими-нибудь кармически связанными с нами умершими - есть лишь вопрос времени, хотя, возможно довольно длительного времени.

Я говорил, что в прежние времена люди, собственно и говорить то так не могли - есть бессмертие, или нет. Кроме бодрствования и сна они имели ещё третье состояние, промежуточное состояние; оно не было только сновидением, оно переживалось непосредственно, естественно, так что люди видели своих умерших лицом к лицу в духе (von geistigen Angesicht zu geistigen Angesicht). Они были здесь с теми, с кем они жили. Заглянем в человеческой эволюции назад; тогда дело обстояло так, что если человек что-либо делал или с ним что-то происходило, нечто непривычное - а ведь это постоянно происходит с человеком с утра до вечера; ведь человек - не прирученное животное и делает не только привычное - итак, если человек делал нечто непривычное, или встречался с ним, он в древности чувствовал около себя того или иного умершего, ушедшего от него давно или недавно. Человек чувствовал, что умерший содействует или советует. Итак, душа человека, живущего здесь на земле, решая то или иное, перенося то или иное, чувствовала, что тот или иной умерший содействует или сострадает. Итак, умершие были здесь. Вот почему вопрос о бессмертии или его отсутствии не дискутировался. Это не имело никакого смысла, также как бессмысленно было бы спрашивать, существует ли человек, с которым я только что говорил, или не существует. То, что испытывают - есть

действительность, а в древности именно испытывали, переживали содействие умерших.

Мы знаем, по каким причинам это время должно было опуститься в подосновы бытия. Но оно возвратится, хотя и в другой форме, оно возвращается благодаря тому, что люди приобретают то настроение, которое действительно может придти к душе только от духовной науки, от деятельности, от жизни в духовнонаучных представлениях о сверхчувственном. Ибо будет возможно, чтобы душа пришла к чистому, тонкому настроению, и в это тонкое настроение войдут души так называемых умерших. Они всегда здесь, но речь теперь идёт о том, чтобы они осознанно проникли в душевную сферу. Конечно, умершие всегда витают вокруг того, с кем они кармически связаны по жизни. Но для того, чтобы они действовали в его сознании, необходимо, чтобы человек пошёл им навстречу с тем настроением, которое я только что разъяснил. Ибо, видите ли, умершие всегда могут найти подход к человеческой душе, если человеческая душа со своей душевной жизнью входит в описанное мною только что настроение, если в сверхчувственной сфере некоторым образом живут понятия и идеи, образованные человеческой душой. То, чего избегает умерший, куда он не может войти - это телесное, физическое человека. Сюда умерший не может войти, прежде всего, не может. Также и в мысли, - которые, будучи ориентированы на физический мир, поднимаются из головного мозга - в эти мысли умерший войти не может. И так как люди сегодня имеют по большей части только такие мысли, которые поднимаются из головного мозга, умершим так трудно подойти к живущим. Но если живущие идут навстречу умершим, развивая настроение, которое оказывается в наличии потому, что имеют дело со сверхчувственными представлениями, тогда умершие могут войти в это парение и тканье души,

отрешённое от земного, от телесного, не занятое исключительно телесным. Всё в наше время зависит от того, чтобы люди искали возможности вступить на путь к умершим. Тогда и умершие придут навстречу. Надо находить их в некой общей сфере.

Я часто подчёркивал, как то, что относится к сверхчувственному миру, исходя из духовной науки, то что мы развиваем в понятиях и идеях, несомненно существует как для живых, **так и для умерших**. Вот почему я советовал мысленно читать для умерших, то есть обращаться к ним мысленно и развивать мысли, относящиеся к сверхчувственному миру. Ведь благодаря этому мы строим мост к ним, мост не только к недавно умершим, но вообще к умершим, даже к тем, кто умер в давнее время, умер очень давно.

Так живые имеют возможность подойти к умершим. Но и у умерших тоже есть возможность таким же образом воздействовать на мысли живых. И если вы восприняли дух духовной науки, тогда из этих объяснений вы сможете составить себе верное представление о том, что в нашу материалистическую эпоху, в которую мы как люди живём уже так долго, умершие имеют всё меньшее и меньшее влияние на ход событий здесь, в физическом мире, ибо люди всё больше и больше отдаются материалистическим, связанным лишь с физическим миром представлениям, к которым умершие не имеют доступа. Вот почему события здесь, в физическом мире разыгрываются без, или почти без влияния тех, кто умер. Но должно придти нечто иное; должно восстановиться живое общение между живущими и умершими. Те, кто умер, должны получать возможность воздействовать на физический мир, для того, чтобы происходящее в физическом мире не совершалось исключительно под влиянием в самом физическом мире возникших представлений.

Итак, усилия духовной науки действительно внутренне направлены на то, чтобы дать умершим возможность действовать здесь, в физическом мире. И надо сказать: эта высокая, серьёзная цель духовнонаучного стремления - вновь создать связующее звено между духовным миром, в котором находятся умершие, и физическим миром, чтобы умершие не были в том положении, когда можно сказать: мы как бы выброшены из физического мира, так как живущие внизу, в физическом мире, не развивают для нас мыслей, благодаря которым мы могли бы проникнуть в этот физический мир.

Конечно, кто-нибудь скажет: я стараюсь подняться к духовнонаучным представлениям, однако я ещё не воспринимаю никакого воздействия умерших. Да, мои дорогие друзья, в этих вещах не обойтись без терпения. Вы только подумайте о том, как уже в течение столетий жизнь людей на физическом плане была направлена именно на материалистическое, так сказать, противодействующее всему, что делает возможным правомерное воздействие умерших. Посреди всего, что происходит, что происходило в течение столетий, развилось известное чувство, известное ощущение, которое сегодня совершенно бессознательно имеют люди по отношению к духовному миру. Для этого чувства и ощущения то, что приходит из духовной науки остаётся в основном абстрактной теорией. Человек убеждён, что приходящие из духовной науки сообщения о духовном мире верны. Но конечно это ещё не переходит во всю душевную жизнь так, чтобы человек мог развить те чувства и ощущения, которые не мешали бы тому тонкому, интимному воздействию, которое исходит от умерших. Нелегко увидеть эти вещи в правильном свете. Современный человек - это внук, правнук или праправнук тех людей, которые жили на протяжении последних

столетий и которые под влиянием восходящего материализма направляли свои чувства и ощущения в известное русло. Эта направленность чувств и ощущений выражена всюду вполне конкретно, в любых деталях. Мы можем иметь добрую волю, для того, чтобы правильным образом идти навстречу умершему, правильным образом вспоминать о нём, но вся позиция наших чувств и ощущений, в том, как они действуют - я мог бы сказать - перейдя к нам через кровь от наших предков, не подходит для того, чтобы перед нашей душой действительно вставали тонкие, интимные манифестации и откровения, которые исходят от умершего. Наши чувства не могут служить в качестве светильника, волнующегося светильника поставленного перед этими интимными импульсами, которые сегодня поистине ещё очень тонки и интимны.

Оттого, что это так, не следует терять мужества, надо всегда сохранять позитивность. Позитивность состоит в действительном стремлении к тому состоянию, которое в известный момент жизни, как плод изучения духовной науки даёт душевный покой - ведь к душевному покою приходят, приходят к настроению душевного покоя - душевный покой, который делает возможным, чтобы эти тонкие, интимные манифестации и откровения из царства мёртвых доходили до нас.

Для этого необходимо также и кое-что другое - надо обрести добрую волю для того, чтобы противиться всей той неправдивости, о которой мы говорили в этих рассматриваниях. Ибо эта неправдивость, наполняющая мир подобно рою, также представляет собой то, что внедряется в духовную ауру и лишает умерших возможности проникать сквозь этот плотный туман всех черных порождений, которые исходят - назовём хотя бы одно - исходят сегодня как неправдивое от нашей публицистики, печатной и устной, что оплетает всю

землю как аура лживости. Проникнуть сквозь неё – можно сказать именно так – крайне трудно для умерших. Поэтому необходимо попытаться с помощью тех представлений, – которые мы развиваем, чтобы узнать, что же сегодня роится в мире как конкретная неправдивость, – уяснить себе, к чему в этой области действительно стремятся, познать чисто внешнюю истину физического плана, насколько она доступна, познать для того, чтобы не застилать свою душу туманными образованиями, проникнуть сквозь которые сразу духовный мир просто не в состоянии. Вы поймёте, как сильно необходимо то, что я сейчас подчёркиваю.

Теперь мы хотим, используя только что развитые нами понятия, чуть-чуть коснуться вопроса: что хотят оккультные общества, посылающие в мир те импульсы, о которых мы говорим, импульсы, которые затем во всей полноте проявляются в жизни как неправдивость и которые затем посредством неправдивости приводят к нашим нынешним болезненным событиям? Чего хотят эти оккультные общества, о существовании которых я говорил вам кое-что? Такие оккультные общества хотят, кроме всего прочего, – ведь можно характеризовать только одно, а ведь они, безусловно, хотят и многого другого, – они хотят следующего: они хотят как бы супер-материализовать материализм, они хотят создать в мире материализм в большей степени, нежели тот, который возник благодаря естественному развитию человечества в пятую послеатлантическую эпоху. Итак, они хотят иметь ещё больший материализм. Это, так сказать, только один из исходных пунктов, к которым они стремятся; но именно этого исходного пункта, этой точки зрения, этого мнения мы хотим слегка коснуться. Ибо на основе такого мнения основываются общества, подбираются в

такие общества люди, с которыми сближаются по жизни и находят их пригодными, подходящими.

Есть много разновидностей таких обществ. Одна определённая их разновидность, особенно распространённая на Западе и имеющая многообразную специфику, охватывает организации, занимающиеся церемониальной магией. Правда, церимониальная магия может быть и хорошей, но сейчас мы говорим о тех обществах, которые занимаются церемониальной магией не ради блага всего человечества, а ради блага групп людей или ради блага особых устремлений, не носящих общечеловеческого характера. Направим наш взгляд, прежде всего, на такие общества, которые с этой точки зрения занимаются церемониальной магией, магией, которая осуществляется посредством церемониала. Как сказано, она может быть и хорошей, но у этих обществ она отнюдь не хороша. Некоторые виды церемониальной магии таковы, что они обладают известным влиянием, известным воздействием на физический аппарат человека. В конечном счёте, всё физическое - это откровения духовного. Та духовность, которая возникает под влиянием некоторых церемониальных магических процедур, может воздействовать на физический аппарат человека в системе желёз, как я недавно характеризовал вам это, и в системе спинного мозга. Но самое худшее то, что посредством процедуры церемониальной магии воздействуют на церебральную систему (систему головного мозга). Всё это должно происходить окольным путём посредством духовного, но это может происходить, может действовать.

Итак, представьте себе: эти оккультные общества занимаются некоторыми видами церемониально-магической практики, и она влияет на принадлежащих к ним так, что влияние распространяется вплоть до физического тела;

пусть лишь до тонких вибраций и ткущих процессов физического тела, но, тем не менее, до физического тела. Одновременно в физическое тело втекает духовность.

Что же из этого следует? Следствие таково, что сейчас же подступает нечто, что хотя и было вполне приемлемо для более ранних этапов человеческого развития, но является непозволительным для нашей эпохи развития человечества. Из-за таких церемоний, обрядов духовный мир получает возможность влиять на людей, не идущих ему навстречу по пути, на который я только что указывал, - влиять на людей, участвующих в таких церемониальных обрядах. Тем самым, для умерших, наряду с иной духовностью, создаётся возможность воздействовать на тех, кто втянут в такой круг, созданный путём церемониальной магии. Но из-за этого материализм нашего времени может стать своего рода сверхматериализмом. Представьте себе, что человек целиком и полностью - не только в отношении своего мировоззрения, но и в отношении всех своих ощущений и чувств мыслил бы материалистически, а ведь на Западе очень много таких людей. Материалистический образ мыслей возрастает во всё большем масштабе. Тогда у человека возникает побуждение завладеть влиянием на материальный мир не только будучи живым, находясь в физическом теле, но и после смерти. Его стремление таково: умерев, я хочу иметь какое-либо пристанище, центр, исходя из которого, я мог бы действовать на живых людей, оставленных мною на земле, или на тех, кто мне пригоден. В наше время уже есть такие люди, материалистический порыв которых так силён, что они стремятся к таким учреждениям, организациям, посредством которых они и после смерти могли бы опекать эти организации в материальном мире. И такими инструментами,

посредством которых человек гарантирует себе материальное господство после смерти, как раз и являются центры определённой церемониальной магии.

Тем самым указывается на нечто такое, что для кого-то имеет огромное значение. Ведь только подумайте: какое-то число людей будет совместно действовать в некотором братстве. Эти люди, прежде всего, знают: нам предшествовали другие, те, которые запечатляли такие мощные мысли о господстве и власти, что им не хватило жизни, чтобы их осуществить, так что они хотят осуществлять их и после смерти. Мы создаём для них некий круг, и благодаря тому, что мы делаем, посредством церемониальных магических действий, которые мы предпринимаем, они действуют в наших телах. Тем самым мы завоёвываем гораздо большую мощь, нежели мы имеем, тем самым мы в состоянии использовать известную духовно-магическую мощь, идя против других, слабых людей, которые стоят вне таких тайных обществ. Когда мы говорим слово, когда мы произносим речь, эти умершие действуют через нас, так как мы подготовлены своим участием, тем, что мы запутаны в обряды церемониальной магии.

Это большая разница, участвует ли человек, так сказать, честно, просто в культурном процессе нашего времени, и тогда, исходя из этой честной причастности, включённости в культурный процесс нашего времени он держит речь в парламенте, или пишет статью в газету, или же человек стоит внутри церемониально-магического круга, и, тем самым усиливаясь мощными импульсами некоторых умерших, с этими импульсами держит речь в парламенте или пишет в газету, распространяя тем самым ради своих целей гораздо более сильное воздействие, чем, если бы за ним ничего не стояло. Это одно.

Другое состоит в том, что эти люди, отдающие себя в круг некоторых церемониально-магических обществ, самим себе в свою очередь обеспечивают власть после смерти, как бы ариманическое бессмертие. И эта мысль правит очень многими; эта побуждающая мысль. Для них общества, к которым они принадлежат, являются как бы известной порукой, гарантией тому, что их силы, которые, собственно, должны жить только до их физической смерти, живут и после смерти. И с этой мыслью живут сегодня гораздо больше людей, чем вы думаете; с мыслью обеспечить себе ариманическое бессмертие, ариманическое бессмертие, которое состоит в том, что некто действует не как отдельный, индивидуальный человек, нет, он действует посредством инструмента таких обществ, как это было характеризовано. Такие общества разнообразны, и люди известных ступеней, градусов в этих обществах знают: с помощью такого общества я, с силами, которых я должен был бы в ином случае лишиться после смерти, буду до известной степени бессмертным, эти силы будут действовать и после моей смерти.

При этом люди вследствие того, что они переживают в церимониальной магии, в любом случае оглушаются, анестезируются так, что их больше не смущает мысль, которая должна была бы встать перед душой того, кто принимает эти вещи с правдивой серьёзностью и достоинством; ибо насколько человек приобщается к «бессмертному умиранию», или, лучше сказать, к ариманическому бессмертию, настолько же он теряет сознание другого, действительного, настоящего бессмертия. Но многие души в наше время сильно захвачены материализмом, и их не беспокоит, что они наркотизированы напрочь, и на самом деле умирают вследствие ариманического бессмертия. Можно сказать: сегодня есть общества, которые в спиритуальном, оккультном смысле являются

«Обществами по страхованию ариманического бессмертия»!

Всегда имеется лишь малое число людей, которым доверены эти вещи, ибо такие общества, как правило, организованы так, что церемониальная магия действует именно на тех людей, которые недогадливы, которые ничего не подозревают, но которые имеют известную потребность вступить в отношения с духовным миром посредством всевозможных символических действий. Таких людей много. По правде говоря, это сами по себе не самые плохие люди, те, кто хочет этого достичь. Такие люди вовлекаются в круг церемониальной магии, и тогда составляется малое число тех, для которых другие, вовлечённые в круг церемониальной магии, служат лишь инструментом. Вот почему следует быть осторожным по отношению ко всем так называемым оккультным обществам, которыми управляют высшие градусы, высшие степени, цель которых неизвестна градусам нижестоящим. Эти правящие градусы охватывают, как правило, тех, кто, в сущности, посвящён настолько, чтобы иметь представление о том, о чём я только что говорил: они охватывают тех, кто должен действовать конкретно и осознанно, кто задаёт известные цели и направления, которые затем осуществляются благодаря тому, что есть масса других людей, лишь втянутых, запутанных в круг церемониальной магии. Всё, что делают эти люди, делается так, что это происходит в направлении, предписанном высшим градусом, и при этом подкрепляется, благодаря силам, приходящим из церемониальной магии. Кому удаётся бросить взгляд на необъятно большое число таких обществ Запада, которые занимаются церемониальной магией, тот сможет тогда представить себе, каким чудовищно действенным инструментом могут быть такие общества для далеко идущих мировых планов. Ибо

существенное состоит, как вы видели, именно в том, что некоторое проникающее воздействие спиритуального на физически-чувственное, что было правильным в ранние времена, пробирается в наше время, когда правомерно то, что человек вышеописанным образом сам идёт навстречу умершим, так что он встречается с умершими как бы на полпути. В показанном вам выше настроении следует искать путь, тогда как путь, существовавший в более ранних, атавистических временах вносится в современность посредством медиума церемониальной магии.

Это должно дать вам представление о том, каким несоразмерным образом сегодня беспредельный материализм, материализм, ставший сверхматериализмом хочет перешагнуть границу того мира, границу, которую можно сегодня переступить только с помощью приведения души в то настроение, которое могут дать сверхчувственные понятия. Сегодня правильным является вот что: никогда не принимать ничего непонятного, что даётся сегодня во многих оккультных обществах, - а сегодня даётся и принимается чрезвычайно много непонятного, непонятого. Правильным является вот что: то, что дают в таких обществах рассматривать как, по крайней мере, недооценку, пренебрежение высказываемым словом, словом, воспринимаемым посредством понятия.

Во многом, что как неправдивость и как себялюбие роится в мире, где стало возможным говорить об эгоизме как о чём-то священном - хотя и не Папой освящённым - ведь говорят о *Sacro egoismo*, этом новом, хотя и не канонизированном Папой святом, - итак, во многом, что как эгоизм и неправдивость роится по миру, действуют импульсы, оказывается влияние, подкреплённые вышеуказанным способом из мира умерших. (*Sacro egoismo*, святой эгоизм - выражение, пущенное в ход итальянским премьер министром Саландро).

Но исследуя эти импульсы, находят присоединение других импульсов. И об этих импульсах, об этих других импульсах вы найдёте пояснения в моей книге «Духовное водительство человека и человечества» (ПС т.15). Лекции, лежащие в основе этой книги, были прочитаны в 1911 году в Копенгагене, для чего тогда было более чем достаточно оснований. Там вы найдёте объяснение, как некоторые ангельские силы (Angeloikraefte) третьей послеатлантической эпохи отстали, чтобы в наше время развивать силы подобные тем, которые должны были быть развиты в течение египетского периода. Тогда было сказано:

«Как прекраснейшие вещи могут служить испытанию и совращению человечества, если человек следует им односторонне, так и - если имеет место указанная односторонность - все возможные добрые стремления выявлялись бы в фанатической форме. Как истинно то, что человечество, благодаря своим благородным импульсам движется вперёд, так истинно и то, что из-за фанатических и легкомысленных представителей благороднейшего импульса на правомерное развитие может воздействовать наихудшее».

А затем указывалось на то, как некоторые силы, которые были правомерны в третью послеатлантическую эпоху (2907-747гг до Р.Х.), действуют в наше время. И точно так же - об этом сегодня можно говорить - точно также, как человек находит правомерную связь со своим добрым Ангелом (mit seinem richtigen Angelos), он может, используя такие силы, ища такие импульсы, которые в качестве ариманических усилий являются из мира умерших, он может найти доступ к этим отставшим духам египетско-халдейской эпохи, к этим отставшим Ангелам. И эти отставшие Ангелы играют большую роль в таких оккультных обществах, которые я только что вам описал. Они

являются там важными помощниками и важными ведущими духами. В этих оккультных обществах имеется многое, непосредственно стремящееся к тому, чтобы древним способом перенести египетско-халдейское начало в современность. Если это не пустая болтовня, если это действительно причастно оккультной жизни, тогда это происходит под влиянием отставших существ из иерархии Ангелов. Здесь они - вожди. Тем самым мы указали на тех существ из ближайшей сверхчувственной иерархии, которых ищут в таких обществах.

Тем самым указывается на самое-самое важное (Allerallerwichtigstes). И только поняв, как в таких обществах консервируются в живом виде (ветхие) заветы, не заветы, написанные для жизни, но силы, которые, пройдя через смерть, не должны были бы действовать, но, тем не менее, консервируются, - только поняв это, можно заметить ту магическую власть, которую реализуют подобные общества и которая даёт им возможность выдавать неправдивое за правду, напечатлеть неправдивому штемпель правдивости.

Важное магическое действие состоит уже в том, когда неправду распространяют в мире так, что она действует как правда. Ведь в этом воздействии «неправды как правды» заключается чудовищная сила зла. И эта сила зла используется как нечто должное с самых разных сторон.

Вот что хотел я сегодня высказать вам, чтобы дать подспудное эзотерическое обоснование тому, что я высказывал экзотерически. - Давайте завтра поговорим об этих делах дальше, и попытаемся в некоторые вещи проникнуть ещё глубже.

ЛЕКЦИЯ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дорнах, 22 января 1917г

Если вы вспомните отдельные высказывания из венского цикла «Внутренняя жизнь души и жизнь между смертью и новым рождением», то вы найдёте понятия, или, лучше сказать, внутренние душевные переживания, которые могут возникнуть у человека. Благодаря им он приближается к тому миру, о котором мы говорили вечера: этот мир является общим как для нас, так и для развоплощённых человеческих душ, душ, прошедших через врата смерти и готовящихся к новому воплощению, новому земному бытию. Прежде всего, вы можете оживить понятие, которое отнюдь не лишне, если хотят получить настоящее представление о духовном мире; это то, что многое, - я подчёркиваю, многое, но не всё, - рассматриваемое с точки зрения духовного мира отображается прямой противоположностью по отношению к проявлениям физического мира. Положим в основу это представление и рассмотрим с помощью этого представления потустороннюю жизнь и потустороннее восприятие человека по ту сторону, в духовном мире.

Здесь, бодрствуя, то есть, находясь между пробуждением и засыпанием, мы связаны с нашим физическим телом так, что это физическое тело мы используем как инструмент наших переживаний в мире; здесь мы по отношению к духовному миру чувствуем себя не в состоянии охватить, понять его, удержать его откровения. Поскольку мы заключены в физическое тело, мы используем грубые инструменты физического тела, чтобы что-то воспринимать. Мы должны их использовать. Если же мы не можем их использовать, как в случае между засыпанием и пробуждением, наше астральное существо и существо «я», -

произошедшие впервые в период Древней Луны и Земли, - оказываются слишком тонки, субтильны для того, чтобы что-либо охватить. Духовный мир находится вокруг нас всегда, как и воздух находится вокруг нас. И будь мы, можно сказать, достаточно плотными в нашем астральном существе и «я»-существе, то мы всегда могли бы охватывать, перцепировать, воспринимать то, что всегда находится вокруг нас в духовном мире. Мы не можем этого потому, что мы слишком тонки в нашем астральном и «я»-существе, потому, что там ещё нет сформированных инструментов, таких как физические органы чувств, или как мозг, чьи способности представления служат для того, чтобы при бодрствовании в душе возникали переживания.

Когда человек проходит сквозь врата смерти, он, по крайней мере, в ближайшие десятилетия находится тогда в основном в той субстанциональности, в которой мы находимся во время нашего сна. Эта субстанциональность не может оставаться такой субтильной, тонкой, какой она была во время нашего физического воплощения, иначе мы не осознавали бы всех переживаний между смертью и новым рождением. Она и не остаётся такой, наоборот, между смертью и новым рождением наступает сознание совершенно иное, но гораздо более яркое, мощное, нежели было оно в то время, когда мы находились в физическом теле. Тут мы должны спросить: как же реализуется это сознание, когда мы находимся в астральном теле или в «я»-существе?

Здесь, в физическом теле мы имеем физические органы, причём мы проникнуты - можно сказать, одеты, окутаны - ингредиентами, образующими физический мир, то есть нас окружает минеральное, растительное, животное царство. То, что подготовлено для нас здесь как физическая телесность, есть инструмент нашей бодрственной

жизни. Аналогичным образом для нас готовится инструмент между смертью и новым рождением. Первое из того, что готовится нам после смерти благодаря тому, что мы вообще являемся людьми, что безусловно должно быть подготовлено для нас, когда мы сбросим своё эфирное тело, это то, что приходит от иерархии Ангелов. Мы как бы погружаемся в субстанциональность иерархии Ангелов. Ведь существо из иерархии Ангелов принадлежит нам самим и известным образом является ведущим существом нашей человеческой индивидуальности. Но при нашем вращении в духовный мир с этим существом из иерархии Ангелов, с которым мы связаны вначале, соединяются другие существа из иерархии Ангелов, и так образуется в нас, или, лучше сказать для нас ангельский организм, который сконструирован иначе, нежели наш физический организм.

Пожелав схематически провести перед душой то, о чём я здесь говорю, можно сделать это следующим образом; можно сказать: сквозь врата смерти мы вживаемся в духовный мир. Пусть схематически это будет наша индивидуальность (см. рис. стр. 224, фиолетовое), с которой связано то существо, которое мы ощущаем как приданное нам из иерархии Ангелов (красное). Но при отделении нашего эфирного тела, это наше ангельское существо вступает в отношения с другими ангельскими существами из иерархии Ангелов, присоединяет себя, и мы чувствуем в нас весь этот ангельский мир. Мы чувствуем его в нас, мы переживаем его как внутренний опыт, не говоря, конечно, о внешних переживаниях, которые нам благодаря этому сообщаются.

Возникновение этой пронизанности миром Ангелов делает также возможным и то, что мы вступаем во взаимоотношения с другими развоплощёнными людьми, с другими людьми,

прошедшими через врата смерти прежде. Я хотел бы сказать: также как здесь, во внешнем мире наши органы чувств сообщают нам нечто, так эта включённость в мир Ангелов сообщает нам о духовных существах, о людях, которых мы встречаем в духовном мире. Так как здесь, в физическом мире, находясь в зависимости от отношений физического мира, мы сохраняем тем или иным способом построенный организм, так сохраняем мы «своего рода духовный организм», сформированный благодаря этой сети ангельской субстанции. Однако то, как образуется, как строится эта сеть ангельской субстанции, сильно зависит от того, насколько мы вработались в духовный мир. Если мы вработались в духовный мир так, что ощущений для духовного мира у нас мало, что в нас слишком много, чересчур много отзвуков физических наслаждений, вожделений и инстинктов, физических симпатий и антипатий, то образование ангельского организма затрудняется. И время пребывания в душевном мире, как мы его называем, служит нам именно для того, чтобы освободиться от того, что из физического мира ещё пронизывает нас, что мешает нам соответствующим образом построить ангельский организм.

РИСУНОК стр.

фиолитовое- violet
красное - rot
синее - blau

Он образуется постепенно в то время, когда мы пребываем в душевном мире. Мы врастаем в этот ангельский организм. Но одновременно выступает другая необходимость, необходимость проникнуться не только ангельским организмом, но

также проникнуться и более отдалённой субстанциональностью, а именно - организмом Архангелов. Наше сознание между смертью и новым рождением оставалось бы очень смутным, если бы мы не могли проникнуться организмом Архангелов. Если бы мы прониклись только организмом Ангелов, мы оставались бы в духовном мире в грезящем состоянии, грезящими, спящими существами, сотканными из - я мог бы сказать - из всевозможного имажинативного вещества духовного мира; мы проспали бы бытие между смертью и новым рождением. Для того, чтобы не проспать его, чтобы наступило яркое, мощное сознание, мы должны проникнуться Архангельским организмом (см. рис. синее).

Это делает наше сознание ярким. Благодаря этому мы как бы впервые просыпаемся в духовном мире. Но в той степени, в какой мы пробуждаемся для духовного мира, в той же степени получаем мы свободное отношение к физическому миру здесь. И здесь мы должны иметь свободное отношение к физическому миру. Надо было бы спросить: каково отношение физического мира к развоплощённому человеку, прошедшему через врата смерти? Это вы так же можете найти в венских лекциях. (*Венский цикл: «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением» ПС т.153*) Здесь, в физическом мире человеку, поскольку он может иметь сильное себялюбие, со своими мыслями и чувствами трудно подняться к восприятию духовного мира, мира небесного. Человек томится по представлениям о мире небесном, но ему нелегко развить сильную способность представления, чтобы вовлечь этот небесный мир в свою сферу. В известном смысле для пребывания в духовном мире между смертью и новым рождением дело обстоит противоположным образом. Прежде всего, туда следует за нами то, что было пережито в физическом мире; то, что в физическом мире

имело значение, то, что было воспринято, это следует за нами. Это следует за нами довольно своеобразно. Примеры, приводимые мною, дадут вам представление о сложности этих вещей. Для физической способности представления у человека эти примеры выглядят порой гротескно, парадоксально, но нельзя пережить в духовном мире ничего конкретного, если не принимать такие представления во внимание.

Восприятие того, что существует в минеральном царстве, почти сразу же теряется, как только человек проходит сквозь врата смерти. Здесь, в физическом мире, человек, благодаря своим органам чувств обладает наибольшей способностью восприятия минерального царства, можно сказать почти исключительной способностью восприятия. Ибо когда человек ограничен своими органами чувств, он мало что воспринимает другого, кроме минерального царства. Вы скажете: мы ведь ещё воспринимаем животных, мы воспринимаем растения. Но почему? Видите ли, если здесь вы имеете растение, то в этом растении находятся минеральные продукты. И то, что пульсирует, живёт как минеральное, то, что содержится в растении как минеральное - это, собственно, и воспринимается в растении; точно также и в животном. Так что можно сказать: человек благодаря своим органам чувств воспринимает почти без исключения минеральное. Итак, это минеральное царство, которое человек воспринимает здесь, там исчезает. Приведём конкретный пример. Здесь вы каждый день видите на своём столе поваренную соль, вы видите её там как внешний минеральный продукт. Развоплощённый человек, прошедший сквозь врата смерти, не может видеть эту поваренную соль в солонке. Но если вы посолите суп и попробуете его, это вызовет процесс внутри вас, в вашем собственном внутреннем, и то, что произойдёт

здесь, внутри вас, а именно - процесс, который сопровождается ощущением солёного, - это воспринимает умерший. Итак, в тот момент, когда соль начинает вызывать на языке вкус, то есть процесс переходит в ваше внутреннее, начинает протекать внутри вас самих, с этого момента умерший может воспринимать соль - в процессе её воздействия. Вот как обстоит дело. Тем не менее, мы можем сказать: в том застывшем виде, в каком находится здесь минеральное царство, если оно не оказывает воздействия на человеческий, животный или растительный организм, умерший, прошедший через врата смерти воспринимать минеральное царство не может. Отсюда вы можете видеть следующее: так называемое внешнее окружение умершего совершенно отлично от того, что здесь между рождением и смертью человек характеризует как свой внешний мир.

Но одно всегда остается воспринимаемым для умерших, - и важно обратить на это внимание, - это то, куда втекают человеческие мысли и ощущения; есть даже такие человеческие мысли, которые воспринимаются. Поваренную соль как природный продукт умерший не воспринимает. Солонку, которая сделана, может быть из стекла или из какого-либо другого материала, он также не воспринимает, но поскольку в солонке при её изготовлении угнездилась человеческая мысль, эта человеческая мысль становится воспринимаемой для умершего. Если вы представите себе, как в нашем окружении повсюду, куда мы не взглянем, на всё, что не является природным продуктом, человеческая мысль наложила своего рода сигнатуру, оттиск, в соответствии с которым устроена, организована эта вещь, тогда вы получите представление о том, что может воспринимать умерший. Умерший также воспринимает все отношения между существами,

то есть отношения между людьми и так далее; всё это живо для него.

Однако, дело ещё и в том, что по отношению к некоторым вещам в физическом мире умерший точно так же стремится вырвать их из своих представлений, из своих душевных переживаний, освободиться от них, как бы стереть их точно также, как здесь физический человек страстно желает заполучить некоторые представления о потустороннем мире. Здесь у человека есть страстное стремление получить представление о потустороннем. А там, после смерти, относительно некоторых человеческих дел здесь, на земле, - а ведь эта земля становится для умерших потусторонней - человек страстно стремится погасить эти вещи, стереть их. Однако для этого необходимо как раз проникнуться субстанцией тех высоких иерархий Ангелов и Архангелов. Ибо, проникнувшись этой субстанцией, можно погасить в сознании то, что должно быть погашено. Тем самым вы получаете представление о вращении в духовный мир, о том способе, которым человек вырастает в духовный мир; при этом он как бы понижает свою собственную индивидуальность субстанцией существ высших иерархий. Очень важно отметить следующее; чтобы уничтожить в сознании, стереть, удалить из сознания всё то, что более или менее личным образом связано с человеком, - а это все искусственно созданные изделия, продукты, которыми мы пользуемся и о которых я говорил: умерший видит их, поскольку они воплощают человеческие мысли, - чтобы изъять, удалить всё это из сознания, прежде всего, необходимо, чтобы человек надлежащим образом проникся субстанцией Ангелов. Однако ещё и нечто иное тоже должно быть отброшено, нечто другое должно быть погашено, для того, чтобы человек мог правильным образом пребывать в духовном мире.

Как бы ни странно прозвучало это с земной точки зрения, и, тем не менее, это верно; есть помеха, препятствие для вращающегося в то, что даёт нам ясное, светлое сознание в духовном мире, и помехой, препятствующей нашему легкому вращению в духовный мир является, - как бы странно это не звучало, - человеческая речь, речь, которая здесь на земле служит для физического понимания человека человеком. Умерший должен постепенно вырасти из речи, в ином случае то, что он застрял в аффинциях, в сродстве, связывающем его с речью, воспрепятствует его вращению в царство Архангелов. Поистине речь предназначена только для земных отношений, но внутри человека эти земные отношения сильно срастаются с речью. Для многих людей именно в нынешнюю материалистическую эпоху мышление содержится непосредственно в речи. Сегодня, в эпоху материализма люди почти совсем не мыслят мыслями, в мыслях, а чрезвычайно сильно делают это в речи, в словах. Вот почему они бывают так довольны, находя выражение, штамп, для того или иного. Однако такие штампы, такие словесные обозначения годятся только здесь, в физической жизни, а после смерти встаёт задача освободиться от таких словесных обозначений.

Даже по отношению к таким вещам духовнонаучное рассмотрение даёт известную возможность вжиться в царство сверхчувственного. Ведь как я уже часто говорил вам, к настоящему, действительному понятию можно придти лишь приблизительно, описывая своего рода круг вокруг вещи, вокруг слова. Как я часто показывал вам, для того, чтобы придти к понятию, надо попытаться посредством всестороннего освещения, посредством использования разных слов как бы освободиться от слова. Духовная наука в известном смысле эмансипирует нас от слова. Это она делает

в значительной степени. Вот почему она вводит нас в ту сферу, которую мы имеем общей с умершими.

Итак, эмансипация от речи внутренне связана с вращением в субстанцию Архангелов. Мост между здешним миром и духовным миром создаётся посредством того, что мы именно духовнонаучным образом снова эмансипируемся от речи, что мы создаём духовнонаучные понятия, которые более или менее независимы от речи.

Заострив своё внимание на только что сказанном мною, вы тем самым обратите внимание на важные отношения между здешним миром и миром духовным; если же вы продумаете эти мысли живо, то получите важное средство для понимания некоторых импульсов, исходящих от тех братств, о которых я неоднократно говорил вам на этой неделе. Эти братства создаются в большей или меньшей степени с прямой целью: удержать человека в материальной области – это вы можете понять из некоторых данных мною пояснений. И мы видели в эти дни, что в этих братствах речь идёт даже о том, чтобы ещё более усилить материализм, сделать его сверх-, супер-материализмом, чтобы создать в известном смысле – как я это назвал – ариманическое бессмертие для членов таких братств. Они способны на это преимущественно потому, что представляют групповые интересы, групповой эгоизм, и делают они это в очень большом масштабе. Стремление представлять групповые интересы состоит хотя бы в том, что самые влиятельные из этих братств – как я показал – берут за исходный пункт следующее положение: полностью наводнить пятую послеатлантическую культуру всем англоязычным, всем, что говорит на английском. Ибо эти братства определяют пятую послеатлантическую культуру так; к людям пятой послеатлантической культуре относятся все те, кто говорит по-английски, англоговорящие, англоязычные люди. Поэтому уже в

первоначальном основном положении заложена концентрация на эгоистическом групповом интересе.

Тем самым подразумевается нечто необычайно значительное в духовном смысле. Это отнюдь не мелочи, когда воздействие распространяется на человеческую индивидуальность не только тогда, когда она воплощена в физическом теле между рождением и смертью, но и тогда, когда она живёт между смертью и новым рождением. Ибо вследствие того, к чему здесь стремятся, достигается то, что человеческая индивидуальность, вживаясь в духовный мир, проникается иерархией Ангелов, но не восходит к иерархии Архангелов. Это есть своего рода стремление оторвать от человеческого развития иерархию Архангелов!

Если вы обратите внимание на то, что вам, может быть известно, может быть не молодым – в смысле членства – но более старым среди наших сочленов, то в Теософском Обществе вы увидите явные признаки этих вещей. Вспомните – я имею в виду тех, кто ещё участвовал в жизни Теософского Общества, – вспомните, что отдельные, задающие тон его члены, и прежде всего пользующийся недоброй славой мистер Ледбитер (Laedbeater), говорили, что во многих отношениях жизнь между смертью и новым рождением есть своего рода сонная жизнь. Конечно те, кто были старыми членами Теософского Общества знают, что эти вещи распространялись.

Неудивительно, что утверждали нечто подобное, ибо у некоторых душ, у которых уже было достигнуто нечто подобное, и которых Ледбитер потом находил в духовном мире, это действительно имело место. Некоторые души действительно дошли до того, что отсоединились от мира Архангелов, почему им и не доставало яркого, сильного сознания. Так что Ледбитер наблюдал

именно те души, которые уже подпали под махинации таких братств. Он не заходил так далеко, чтобы наблюдать, а что же будет с такими душами через известное время; ведь эти души не могут всё время между смертью и новым рождением оставаться без того инградента, той составной части, которую при нормальной жизни получают от мира Архангелов, им приходится получать нечто другое. И они действительно получают эквивалент, их пронизывает нечто другое, но откуда? Они пронизываются тем, что приходит от Архаев, остановившихся на ступени Архангелов. Следовательно, вместо того, чтобы нормальным образом проникнуться субстанцией правомерных Архангелов, они проникаются субстанцией Архаев, Духов Времени, но таких, которые не поднялись до Духов Времени, но остановились на архангельской ступени. При нормальном процессе эволюции они должны были бы стать Архаями, но они остановились на ступени Архангелов. А это значит, что они в полном смысле пропитаны ариманическим. Для того чтобы полностью оценить значение этих фактов, надо иметь совершенно верные представления о духовном мире. Когда оккультными средствами стремятся обеспечить мировое господство отдельному Народному Духу, это означает, что действия должны быть нацелены вплоть до духовного мира, это означает, что вместо правомерного господства над умершими Архангелов, установилось неправомерное господство Архаев, отставших на ступени Архангелов, неправомерных Духов Времени. И тем самым достигается ариманическое бессмертие.

Вы, конечно, могли бы сказать: как могут люди быть настолько глупы, чтобы прямо-таки программно отмежёвываться от нормального развития и примыкать к совершенно иной духовной эволюции? - Но это весьма близорукое суждение,

суждение, которое даже не учитывает то, что вследствие некоторых импульсов люди могут получить страстное желание искать своё бессмертие в ином мире, нежели тот, который мы обозначаем как нормальный. Я мог бы сказать: то, что вы не имеете желания участвовать в этом ариманическом бессмертии - что ж, - это право же очень хорошо! Но ведь многое другое нельзя объяснить посредством простейших понятий, и точно также вы должны согласиться и с тем, что есть нечто необъяснимое в том, когда люди хотят уйти из мира, который мы, - имея в виду жизнь между смертью и новым рождением, - считаем нормальным, когда они говорят себе: мы не хотим и дальше следовать за Христом как за Вождём - а Христос является Вождём в этом нормальном мире, - мы хотим иметь другого вождя, мы хотим стать в оппозицию к этому нормальному миру. - Вследствие подготовки, проделанной ими - об этой подготовке я вам уже говорил - подготовки, которая происходит посредством церемониальной магии, они получают представление, что мир ариманической власти есть гораздо более сильный духовный мир, что там они смогут продолжить то, что они усвоили здесь в физической жизни, что они смогут сделать бессмертными материальные переживания физической жизни.

Именно сегодня пора приглядеться к этим вещам. Ибо кто этих вещей не знает, кто не знает, что сегодня распространяются такие вещи, тот не в состоянии увидеть то, что происходит в нашей современности: ибо за всем физически видимым, за всем физически воспринимаемым лежит сверхфизическое, лежит физически не воспринимаемое. Имеется немало людей, которые сегодня - или в плохом, или в хорошем смысле - работают с помощью средств, которые являются импульсами, стоящими за чувственным. Средства, для того, чтобы уйти из мира, о котором мы могли бы

сказать, что он может развиваться правильно, если люди ставят себя на службу Христу, - средства эти весьма многообразны; о некоторых их таких ближних средств говорить нелегко, поскольку, соприкасаясь с близлежащим, простым, люди не представляют себе, что оно, будучи распространено в человеческих душах, является в то же время чудовищно мощным оккультным импульсом.

Вы знаете - чтобы упомянуть о самом ближнем - в определённый момент был установлен догмат о так называемой непогрешимости. (*Infallibilitaetsdogma, догмат о непогрешимости Римского Папы, принят 18 июля 1870г на Первом Ватиканском Соборе*). Этот догмат о непогрешимости - это теперь важно - был принят, акцептирован многими людьми. Тот, кто является настоящим христианином, мог бы подумать: как же обстоит дело с этим догматом о непогрешимости? Он мог бы, например, задать вопрос: что сказали бы о догмате непогрешимости первые Отцы Церкви, ещё стоявшие близко к первоначальному смыслу христианства? Они назвали бы это богохульством! И тем самым отнеслись бы к этому по-христиански. Тем не менее здесь указывается на исключительно действенное оккультное средство - с помощью чего бы то ни было пробуждать в высшей степени антихристианскую веру. Однако эта вера является важным оккультным импульсом, направленным в определённую сторону, чтобы отвести от нормального христианского развития. Вы видите, что можно коснуться ближайшего, и всюду в мире находить оккультные импульсы

Точно такой же оккультный импульс, только неудавшийся, исходил и от миссис Безант, когда она вызвала суматоху с Альционом. (*В Теософском Обществе имя Йидди Кришнамурти, род 1895г. Ведущие теософы ложно считали, что в нём вновь воплотился Иисус Христос*). Если бы та вера в воплощение Иисуса в Альционе

распространилась, это был бы сильнейший оккультный импульс. Вы видите, что сильный оккультный импульс состоит уже в самом распространении некоторых идей, понятий. И так как те братства, о которых я говорил, ставят себе задачей в эгоистических, групповых интересах сделать пятый послеатлантический период (1413-3573гг по Р.Х.) общим импульсом в земном развитии и погасить, исключить из земного развития то, что должно придти в шестую (3573-5733гг. по Р.Х.) и седьмую (5733- 7893гг по Р.Х.) послеатлантические эпохи, то вам станет понятно, какие именно вещи исходят от этих братств, что я имел в виду, говоря о «исходящем от них». Для этого создаются импульсы, которые имеют значение не только для воплощённого человека, но и для человека развоплощённого. Пришло такое время, в которое, по меньшей мере, отдельные люди должны эти вещи видеть, для того, чтобы иметь представление о том, что же, в сущности, происходит, что же совершается.

Но это должно быть связано с тем, чтобы образовались всё более и более правильные понятия о жизни человека на земле. Невозможно, чтобы продолжали жить те понятия, которые именно в наше время причиняют так много бед. Ибо чем больше будет людей, получивших правильное представление об этих вещах, тем меньше будет возможностей для некоторых оккультистов ловить рыбу в мутной воде. Во всяком случае, пока в Европе смогут говорить об отношениях народов так, как говорят сейчас, говорят, намеренно искажая истину, до тех пор будет существовать множество оккультных импульсов, для того, чтобы отбросить земную эволюцию от шестой послеатлантической эпохи (*то есть русско-славянской эпохи, 3573-5733гг по Р.Х. - примеч. переводчика*). Ибо этой шестой послеатлантической эпохе предстоит нечто очень

важное. Я уже не раз подчёркивал, действительно подчёркивал: Христос умирал для индивидуального человека. Это мы должны рассматривать как нечто самое существенное в Мистерии Голгофы. Христу надо совершить важное деяние в пятой - это мы хотим отметить прежде всего, - а также и в шестой послеатлантических эпохах: именно здесь грядёт для Земли Спаситель для преодоления, для окончательного преодоления всего того, что исходит из национального принципа. Но заранее прикладываются усилия для того, чтобы это не могло произойти, чтобы Христос не обладал влиянием в шестую послеатлантическую культуру; на это направлены импульсы тех братств, которые хотели бы законсервировать пятую послеатлантическую культуру тем способом, как я вам это показывал и разъяснял.

Этому можно противодействовать, только развивая верные, правильные понятия, которые должны постоянно становиться всё более и более живыми. Они, эти правильные понятия должны стать живыми. Народы смогли бы жить мирно в той мере, насколько бы они стремились увидеть свои отношения в правильных понятиях и представлениях. Не с помощью программ, не через всевозможные абстрактные идеи - это я уже говорил - приходят к тому, что должно наступить, но только посредством правильных, конкретных понятий. Как это ни трудно по отношению к общепринятым сегодня представлениям, которыми в достаточной степени заражены и наши друзья, следует все же обратить внимание на то, что ведёт к верным, правомерным понятиям. В конце концов, вы должны всё материальное привести к верным, правомерным понятиям. Как только оно будет освещено, человек получит правильные, конкретные представления.

Давайте теперь снова вернёмся к тому, о чём с некоторой точки зрения мы уже говорили. Здесь, в

нашем земном круге, в нашем европейском мире об отношениях народов говорится так, что умершие от этих речей испытывают настоящие мучения, поскольку все создаваемые представления, все понятия извлекаются из лингвистических особенностей, особенностей речи, языка. Создавая понятия о национальном, исходя из лингвистических особенностей, люди постоянно мучат умерших. Как можно мучить умерших, как можно не иметь никакой любви к умершим - в этом можно особенно убедиться на спиритических сеансах, участвуя в спиритических заседаниях. Там умершие прямо-таки принуждаются проявлять себя в той или иной речи, говорить на том или ином языке. Умершие должны говорить на определённом языке, ибо даже при постукиваниях стола манифестации умерших должны проявляться на каком-то определённом языке. То, что вы причиняете умершим, принуждая их выразиться на определённом языке, вы могли бы совершенно правомерно сравнить с тем, как если бы вы взяли раскалённые щипцы и этими раскалёнными щипцами стали бы постоянно щипать существо, живущее здесь во плоти. Так спиритические сеансы, направленные на то, чтобы умерший говорил на определённом языке, причиняют этому умершему боль. Ибо его нормальная жизнь направлена на то, чтобы освободиться от языковых различий.

Уже вследствие того, что представления об отношениях европейцев создаются в соответствии с речью, делают нечто такое, с чем едва ли возможно достичь взаимопонимания с умершими. Поэтому я могу сказать: сегодня необходимо, или, по крайней мере, становится необходимым формировать такие представления, которые можно было бы обсуждать также и с умершими, с которыми можно было бы достичь взаимопонимания и с умершими. Само собой

разумеется, дело не в том, чтобы распространить по земле некий «воляпук», всеобщий язык (эсперанто), или как там ещё называются такие вещи; ведь хотя и правильно то, что все люди носят одежду, они не должны носить одинаковую одежду. Но точно также нельзя требовать, чтобы мы эту одежду считали за нас самих. И также не можем мы рассматривать как принадлежащую нам самим, нашему собственному существу, ту необходимую нам в физическом мире, дифференцировку речи, которой духовное начало уже наделило нас для физического мира. Только надо как следует уяснить себе это.

Как можно прийти к понятиям, постоянно возвышающимся над той этнографией, которая почти целиком ограничивается одной и только одной речью? В этом отношении антропософия тоже должна перерасти чистую антропологию, которая, в сущности, не имеет для разрешения этого вопроса иных средств, кроме как обращать внимание на дифференцировку в смысле языков, лингвистическую дифференцировку.

Я сказал, что европейские народы могли бы успешно жить в мире, если бы они нашли соответствующие, адекватные понятия, живые понятия. Я бы хотел сказать, что, указав на так называемый закон передвижения согласных звуков (см. ПС.т, 173, л.6-7), мы уже сделали шаг к тому, чтобы прийти к таким живым понятиям. Я показал вам, как некоторые языки останавливаются на более ранних ступенях. Мы имеем ступени, следующие одна за другой: готическая, англосаксонская - сегодняшний английский, - а затем верхненемецкий. Верхненемецкий (Das Hochdeutsche) до некоторой степени формировался дальше, тогда как английский остановился на известной ступени. Это не оценивающее суждение, однако, это факт, который следует объективно принимать во внимание, точно также как и закон

природы. Там, где в верхненемецком мы имеем «t», там в английском мы имеем «d», что соответствует совершенно определённым законам, законам так называемого передвижения согласных звуков. Но этот закон является в определённой области выражением тех отношений, которые имеются в европейской жизни. И здесь весьма знаменательно то, что некоторые понятия и представления разрабатываются прямо-таки с бессознательным желанием вызвать непонимание. Примите эти вещи с полной объективностью.

Опираясь на вышеприведённое можно сказать: в Средней Европе имеется как бы изначальная закваска, изначальный «замес» того, что излучается по периферии Европы, а именно на Запад. Рассмотрим этот изначальный «замес». (см. Рисунок на стр.33). С давних пор сложилось так, что народом-представителем этого «замеса» называют немецкий народ. Народы Запада как бы мстили этому народу тем, что они не желали обозначать его тем словом, каким он обозначал себя сам, и которое говорит о глубоком инстинкте: их, немцев, называют тевтонами, аллемандами, германцами, как только можно, но при этом, говорящие на языках Запада, не могли себя заставить сказать «дойче», в то время как именно это обозначение глубоко связано с сущностью народа. Это, можно сказать, своего рода замес, закваска. Один поток, один луч спустился на юг. Его мы характеризуем, обратив внимание на культовое, папское, иерархическое начало. Другой поток направлен на Запад. Его мы характеризуем, указав на дипломатическое, политическое начало. Третий луч, поток идёт на Северо-Запад. Его мы характеризуем, указав на меркантильное. В центре образовано то, что фактически сохраняет текучее развитие, ибо, только подумайте о том, что даже речь в звуках на периферии остановилась, в то время как среднеевропейская Германия (Дойчия) в

передвижении согласных звуков сохранила возможность вырастать над звуком и подниматься к следующей звуковой ступени. (см. ПС т.173 л7 «Слово и мысль во французском, английском, немецком и русском языках»).

Что, собственно, лежит здесь в основе? Вот что: замес, закваска, источник - ещё не дифференцирован, он содержит в себе все элементы, которые отсюда излучаются. Они действительно излучаются. Народности спускались вниз сквозь всю Италию; нынешние итальянцы - это не только потомки древних римлян, но и всех тех, кто произошёл от смешения спускавшихся вниз германских народностей. Весь процесс начался с того, что римляне вели войны против дойчей (немцев), они вели эти войны с помощью людей, которые сами были немцами, германцами и были ассимилированы римлянами: это были, как правило лучшими воинами римлян. Затем все шло дальше, как вы это знаете из истории. Франки переселились на Запад, англо-саксы - на Северо-Запад. Как нам найти адекватное, правильное представление о том, что собственно, выделилось?

Видите ли, в недифференцированной, неразделённой части человечество тоже было до известной степени расчленено, даже оставаясь нераздельным. И правильное представление имеют тогда, когда различают эту недифференцированность, нераздельность с более поздней дифференцированностью, раздельностью. Во всяком случае, в этом первоначальном «замесе», «первичной каше», сохранялось и то, что опускалось на юг, но сохранилось как член, как составная часть. Вот эта одна составная часть, сохранившаяся здесь (красное), выделявшаяся вниз в своей односторонности. Если вернуться к известному людям пра-древнему кастовому подразделению, то можно сказать: на юг выделялась каста с задатками священства,

священническая каста. И в последующем священство, священническое начало всегда проявлялось из той части периферии, в той форме, в которой оно вступило туда; ведь даже в новейшее время такие проявления носили, хотя и весьма своеобразный, но полностью священнический характер. Дело не только в импульсе «священного эгоизма», *Sacro egoismo*; тут вообще умеют употреблять священные слова, как употреблял их знаменитый д'Аннунцио (*Габриэль д'Аннунцио, итальянский поэт, 1863-1938гг «преобразующее блаженство» слова из его речи от 12 мая 1916г.*) Апогеем «преобразующего блаженства» становится тут то, что затем облачается в священнические одежды. Как в хорошем, так и в дурном: священство, священническое начало. То, что осталось, встало в оппозицию, как я уже вам показал. То, что потом реализовалось в реформации – это тот же элемент, оставшийся в замесе, элемент, который противостал к односторонне образованному священническому элементу. То, что сегодня от этого священнического элемента почти ничего не воспринимается или, то, что там есть, воспринимается едва-едва, связано с состоянием внутренней опустошённости, о которой я вам говорил.

В западном направлении выделялся другой элемент: военная каста, королевская каста, королевское начало. Мы уже говорили об этом. Этот Запад подпал республиканству лишь вследствие аномалии. В действительности он целиком и полностью организован по-военному, по-королевски, и он всё время будет подпадать этому военно-королевскому началу. Во всяком случае, это опять-таки излучение, так что этот элемент, вытянувшийся на Запад тоже сохранился в исходном «замесе», где он опять-таки должен вставать в оппозицию к Западу (синий).

Северо-Западное направление: - меркантильный, торгово-экономический элемент (оранжевый). Само собой разумеется, что и он как часть, как член сохранился в исходном «замесе» и встаёт в оппозицию к тому, что образовалось как одностороннее. Тем самым не даётся оценка, ибо не следует полагать, что я придерживаюсь столь распространённого мнения, будто меркантильное начало по сравнению со священническим началом достойно презрения. Здесь нам следует расценивать всё иначе, отказавшись от известной шкалы ценностей. Как мы показали, для пятой послеатлантической эпохи именно меркантильный элемент является самым существенным. Следует видеть действительность такой, как она есть; её то и надо видеть. И если люди сегодня ещё не видят её, они увидят её в будущем.

Точно также как с первой стороны (от священства) исходят многочисленные оккультные импульсы, служащие групповым интересам священства, священнического начала, так со второй стороны исходят оккультные импульсы, служащие военному началу;

РИСУНОК

Pr I - rot - красное (священническое начало)

Kr II - blau - синее (военно-политическое начало)

Mk III - orang - оранжевый (меркантильное начало)

И именно сегодня вышеописанным образом с третьей стороны исходят оккультные импульсы, которые используют как средство, главным образом меркантильное начало. Они усиливаются, ибо первое и второе начала есть лишь повторение третьей (2907-747гг до Р.Х - Египетско-халдео-вавилонская эпоха)* и, соответственно четвёртой

культурных эпох (747г. до Р.Х.- 1413г. по Р.Х.- Греко-римская эпоха)*, тогда как третье соответствует пятой послеатлантической эпохе (1413-3573гг по Р.Х.- германо-европейская эпоха)*. Вот почему импульсы, приходящие с третьей стороны, сильнее, чем импульсы, идущие с первой и второй сторон. Импульсы с третьей стороны становятся наиболее сильными, так как они совпадают с основным характером пятой послеатлантической эпохи. Они станут столь же сильны, как сильны были некоторые импульсы египетской культуры в третий послеатлантический период, а также некоторые импульсы, которые, исходя именно из Передней Азии, прорастая через Грецию и Рим, имели место в четвёртой послеатлантической эпохе. Колдовство древних египтян и кровавые жертвоприношения являются предвестниками того, что исходит от тех оккультных братств, о которых здесь идёт речь, хотя это не одно и то же. Тут всё это носит, так сказать, более тривиальный характер, говоря в обычном человеческом смысле, поскольку при этом используется меркантильное начало.

По поводу этих вещей надо иметь полную ясность. Исцеление, благо может придти в эволюцию только благодаря тому, что человек почувствует себя жизненно включённым в то, что есть. И только благодаря этому можно научиться различать правду от лжи, от той лжи, которая сегодня чудовищной волной бьёт во всех импульсах, проходящих сейчас через мир. Во многих представлениях, которые неправдивы, лживы, заключена огромная оккультная сила, поскольку люди верят в них.

И так как раньше тому, что должно действовать как импульс, служили другие средства, так в нашу пятую послеатлантическую эпоху служит полиграфическое искусство, печать, и всё то, что связано с меркантильным началом. Как привкус

наступающей скверны можно рассматривать ту сильную зависимость прессы и того, что распространяется сегодня посредством искусства печати, от меркантильных групп людей, которые хотят совсем иного, нежели то, о чём они говорят в своих газетах. Они хотят делать гешефты, или достигать того или иного посредством гешефтов, и имеют для этого средства, позволяющие распространять воззрения, где дело идёт не об истине, а об успехе какого-либо гешефта или чего-то в этом роде. Сегодня очень хорошо, если о многом, что посылают посредством печати во внешний мир, не задаются вопросом: «Что же он думает?», а спрашивают: «Кому он служит?» «Кто оплачивает то или иное мнение?» Вот то, откуда многое появляется сегодня. Это не просто публикации, а использование важного оккультного средства: это именно то, чего хотят те самые оккультные братства, ведь это служит им. И если дело будет уже не в том, что говорится, а лишь в том, что действует на людей в известном направлении, будучи на службе тех, кто принадлежит группам, тогда подобные оккультные братства достигнут важной цели.

Дело в том, чтобы как можно яснее, трезвее смотреть на такие вещи. Удовлетворительные, я бы сказал, во всех оттенках очерченные понятия об этих вещах получают только тогда, если правильно рассматривают эти вещи в их связи с духовным миром. Тем самым, как я вам говорил, указываются симптомы, указывается на «Симптоматологию истории» (*ПС т.185*). Конечно, вы не должны во всём подобном подозревать чёрную магию. Тем не менее, вещи, имеющие здесь место, поставлены на службу серой или чёрной магии. Вы не должны ко всем вещам прикладывать моральное суждение, но вы должны видеть их в правильном свете. Те, кто хочет видеть вещи в правильном свете, едва ли забудут, скорее увидят кое-что, если они в большой

речи сэра Эдварда Грея (*Речь английского министра иностранных дел сэра Э.Грея 1862-1933гг. от 3 августа 1914г. см. «Великобритания и европейский кризис»*), - которая была как бы прелюдией для вступления Англии в эту европейскую войну - среди прочего, менее важного, - хотя это важно, то, чему верят люди, - натолкнутся на известные слова, которые как бы пропитаны кровью пятой послеатлантической эпохи; я имею в виду душевную кровь. Ведь эти слова не только верны, они исходят от тех побудительных истин, истин, извлечённых из того, что как материалистическое начало живёт в пятой послеатлантической эпохе. Грей сказал: «Я опасаясь, что мы сильно пострадаем от этой войны, вмешаемся ли мы в неё, или нет. Торговля с границей прекратиться не потому, что будут нарушены связующие пути, но потому, что на их других концах торговля утихнет. Континентальные нации, близкие нам народности со всеми их силами, всею их государственностью замешаны в отчаянную борьбу и не могут поддерживать торговлю так, как они это делали в мирное время, независимо от того, будем ли мы участвовать в этой войне, или нет» и так далее.

Вся Западная Европа подчинена сегодня одному вопросу о власти. И эта речь о гешефтах, торговых делах, о том, чтобы, прежде всего, из меркантильных соображений не уклоняться от войны, но принять в ней участие - это более глубокая истина, чем всё то, что стоит в этой речи, и что надо было сказать, чтобы поверили. Сегодня не важно, что именно говорят люди, чтобы поверили. Они могут говорить это бессознательно. Не следует выносить о ком-то моральное суждение; дело в том, чтобы из внутренней истины познать эволюцию человечества, в которой эта истина находит своё выражение. А в данном случае истина высказана в самом широком смысле. Те же самые

факты, те же самые импульсы, исходящие от вышеназванных братств, высказываются здесь в истинном свете; я указывал на эти братства, которые ведут к тому, чтобы пропитать меркантильное течение оккультными импульсами.

Человечество должно однажды узнать об этих вещах, оно должно однажды пережить их. Ибо не пережив их, оно не стало бы достаточно сильным. Оно должно закалиться, противодействуя тому, что лежит в этих вышеназванных импульсах. Когда-то тирания состояла в том, что некоторые люди долгое время были обязаны считать за правду только то, что признавал Рим. Тирания станет гораздо большей, если придёт время, когда основами для веры будет не то, что решат философы, не то, что решат учёные, а то, во что позволят верить органы этих оккультных братств; чтобы ни одна человеческая душа не верила ни во что иное, кроме того, во что предписано верить с этой стороны, чтобы ни с какой другой стороны не вводились в мир обычаи, кроме предписанных этой стороной. Вот к чему стремятся эти братства. Это говорится не против идеалистов; в любом случае идеализм – это хорошее качество, но эта наивная вера некоторых идеалистов, если полагают, что удастся миновать те вещи, о которых идёт речь, к чему стремятся здесь, что это, якобы, прекратится, как только прекратится война. Война – это только начало всего того, что, – как это было характеризовано – наступит после. И возможность вырваться отсюда лежит только в ясном, правильном понимании того, что есть; всё остальное не годится. Вот почему всегда должны быть люди, – даже если с известных сторон об этом будут слышать и видеть это весьма неохотно, и принимать против них карательные санкции – всегда должны быть люди, которые действительно указывали бы на всю интенсивность происходящего, люди, которые не позволили бы

себя запугать и действительно указывали бы на всю напряжённость происходящего.

В качестве введения к этим рассмотрением я говорил о том, что немцы называли себя «Дойче» (Deutsche). Но к ним в связи с этим наименованием отнеслись крайне нелюбезно, называя их «германцами» и так далее, что не совпадало с их смыслом слова, ибо сами немцы называли «германским» всё то, что в лингвистической истории было объединено на одной ступени как германо-говорящие, германоязычные, но вообще-то не являлось ни верхненемецким, ни немецким. То есть скандинавы, англосаксы, голландцы полностью принадлежали к «германцам» (Germanus); под этим подразумевалось ничто иное, как заложенное под поверхностью лингвистическое родство. «Германское» в немецком смысле совсем не означает чего-то особенного, так как не отвечает современной реальности. И если кто-то, находясь вне Германии, использует выражение «пангерманизм», это нечто такое, с чем немцам вообще нечего делать по той простой причине, что для немцев «германизм», «германское» больше не может быть реальным, субстанциальным объектом. Это отменяет, игнорирует образование других народов, и если бы чисто теоретически стали рассматривать выражение «пангерманизм», пришлось бы возвратиться к более ранним эпохам, но нельзя было бы обозначить ничего, что имеет отношение к будущему или настоящему времени. Тогда как в наименовании «deutsch», дойч, заложен глубокий инстинкт.

В каком-то смысле существуют три касты, первая, вторая и третья касты, разделившиеся и развившиеся при выделении из того, что я назвал первичным «замесом». Четвёртую касту я некоторое время тому назад обозначил как тех, кто просто хочет остаться только человеком, ничего

большого, не хочет специализироваться, дифференцироваться, тех, кто всегда остаётся, проделывая при этом своеобразное, даже кажущееся другим гротескным развитие, как те, сложившиеся из первой сакраментальной ступени аллитерации при усовершенствовании в передвижении согласных. Это чрезвычайно интересно, поскольку они составили одну часть, один член среди многих других. Поэтому можно сказать: выделилась известным образом дифференцированная, разделившаяся группа народов: остался «народ», «das Volk», «diet». Народное государство, например, называлось «Диетрих», «Dietrich», «diet», «диет» затем, позднее превратилось в «deutsch», «дойч», а «дойч» означает ничто иное как «быть народом», «Volk sein». Народ, который остался – это и есть четвёртое. Три других выделились, а народ остался.

РИСУНОК

Делом тут управляет инстинкт; четвёртая часть представляет собой чисто человеческое начало. Вот почему, то, что осталось внутри народа, предрасположено к тому, чтобы не становиться законченным организмом, сохранить развитие в его текучей стадии, что действительно обнаруживается во всех подробностях. Конечно, священнический элемент тоже имеется внутри, но существуют предпосылки выйти из этого элемента священства, подняться над ним. Военный элемент тоже остаётся внутри, но есть предпосылки выйти из военного элемента, подняться над ним. Меркантильный элемент тоже имеет место, но есть предпосылки выйти из него, подняться над ним, точно также как в древней лингвистической, языковой форме были предпосылки, задатки, чтобы перейти в другие

языки, но и возможность выйти из них, подняться над ними.

С этим связано одно явление, которое на понятийном уровне вызывает бесконечно много непонимания. В более глубоком смысле это следует рассматривать как трагическое непонимание, но оно было именно вызвано, потому что в первичном «замесе» естественно сохранилось многое, несущее предпосылки того, что затем снова выступило на периферии. Однако, в то время как на периферии оно выступает в явной, характерной форме, и его находят уместным, соответственным, в первичном «замесе» то же самое считают в высшей степени ненормальным. Возьмём, например милитаризм. Он совершенно неуместен в немецкой сущности, но вполне уместен во французской. Но там его не порицают, поскольку он развивается органично. У немцев его же рассматривают как нечто неуместное, неприемлемое, как то, чего здесь не должно быть. Поэтому, если он возникает там по какой-либо настоящей необходимости, - что я уже характеризовал, - а именно, в связи с географическим положением, то его порицают. То, что у некоторой части людей проявляет себя как юнкерство и тому подобное, является в Средней Европе ничем иным, как тем, из чего развивалось начало, перешедшее затем в Британскую Империю и существующее там как нечто само собой разумеющееся. Когда же то же самое развивается в своей форме в Средней Европе, оно опять-таки бросается в глаза, его находят чем-то вызывающим, из ряда вон выходящим. Вследствие этого возникает бесконечное непонимание и необъективная оценка действительности. Сегодня то тут, то там хватаются за многое, находят прозрачные представления, которые оказываются разрушительными, как только их подхватывают, представления, которые по самой своей внутренней природе разрушительны. Тот, кто действительно

понимает такие вещи, не может ничего поделаться с ними; тот, кто мыслит в соответствие с действительностью, ничего не может начать с ними, и, тем не менее, эти вещи играют роль импульсов, ибо они подобно динамиту действуют на общественное мнение. Иные из этих вещей выглядели бы крайне комически, если бы не были в то же время бесконечно трагичны.

Возьмем, например такой феномен; люди Антанты воспринимали Трейчке (*Генрих фон Трейчке, 1834-1896, немецкий историк - прим. перев.*), как нечто чудовищное, как человека, чьи воззрения были бы ужасны для Европы. Он рассматривался как некая составная часть тех среднеевропейских воззрений, из-за которой Средняя Европа вынуждена была претерпеть ту судьбу, которую мы характеризовали. Можно было бы посмотреть его отдельные воззрения, например его взгляд на турок. Взгляд Трейчке относительно турок был таков: он считал, что турки должны исчезнуть из Европы, что они не должны жить в Европе, что они должны быть перемещены в Азию. То, что сегодня мы читаем в речи Вудро Вильсона (*Президент США в 1912-1920гг. при котором США достигли геополитического могущества, автор 14 пунктов, в соответствие с которыми была переустроена жизнь Европы после Первой Мировой войны; именно Вудро Вильсон на Парижской конференции 1919 г. явился инициатором предложения об отторжении от России Кавказа, Украины и Сибири, покровитель Л.Троцкого-Бронштейна - примеч. переводчика*) в точности повторяет воззрения Трейчке! Трейчке обвиняли, но взгляды его по этой проблеме - а их я мог бы вам привести множество - принимают и даже афишируют. Можно было бы просто списать мнение Трейчке о турках и вставить его в ноту Вильсона, ибо это в точности одни и те же воззрения. - Это я и называю разрушительным понятием, ибо

подхваченное Вильсоном, со знанием дела, оно разрушительно. Столь же разрушительны иные понятия, нужно лишь немного узнать о них. Но сегодня всё говорят, не будучи осведомлёнными, и это счастье для тех, кто в мутной среде хочет распространять собственные понятия, понятия, которые должны оказывать влияние. Как часто сегодня говорится о том, что всё это вполне «гуманно» - блокировать Среднюю Европу и морить её голодом. Среди иных оснований, подтверждающих, что это гуманная форма ведения войны, взывают к тому, что Германия в 1870г, также сочла «гуманным» блокировать Париж и морить его голодом, тут величина территории не играет роли, это то же самое. - Но, в конце концов, говорить так может только тот, кто не знает истории - само собой разумеется, что я не имею в виду историю, описанную в газетах. Но какие факты имели место на самом деле?

В 1870-71гг. Бисмарк (*Отто фон Бисмарк, канцлер Германской Империи «Мысли и воспоминания» гл 3 -прим. перев.*), тот, кто нёс ответственность за все эти вещи, был категорически против того, чтобы создавать голод в Париже, и если прочитать Бисмарка, станет видно, как был он тогда возмущён, что Париж хотят завоевать, организовав там голод: эта идея окольным путём из Англии была подана императрицей, женой Фридриха III. (*Kaiserin Friedrich, императрица Фридриха - супруга германского кронпринца, впоследствии Императора Фридриха III(1831-1888гг), правившего всего 99 дней, мать императора Вильгельма II, урождённая принцесса английская Виктория Адельгейда Мария Луиза(1840-1901гг), старшая дочь английской королевы Виктории (1819-1901гг), в1858-1888гг была в супружестве с Фридрихом и имела на него большое влияние, что вызывало*

недовольство канцлера Бисмарка -примеч. переводчика). Бисмарк писал: К сожалению эта англичанка принудила нас использовать «эту гуманную акцию» в Париже, - он, следовательно, говорит об английской разновидности гуманизма.

Вот тут-то вы и видите эти исторические связи. Непременно надо знать об этом, если хочешь судить о таких вещах и не подхватывать разрушительных понятий. Поистине это выглядит чудовищно, когда сравнивают одно с другим; однако часто первое и второе не совпадают, если мы проводим сравнение, обращая внимание на то, что лежало в основе дела. Ведь даже слово «гуманность» по отношению к «голодомору» в Париже - уморить голодом - есть целиком и полностью английское изобретение в новейшей истории. Это напоминание (о блокаде Парижа-примеч. перев.) не посмели бы делать, если бы прорабатывали действительное; речь идёт именно о том, чтобы прорабатывать действительность. Ничто иное не может принести избавления, как только понимание вещей на основе действительности.

Вот почему именно здесь, присоединяясь к другим темам, которые мы развиваем в иных областях, и в связи с желанием многих наших друзей, мы отдельно рассматриваем современные события, для того, чтобы пробудить в душе серьёзность, с которой надо рассматривать вещи в их действительности. Если найдётся хотя бы несколько человек, которые смогут решиться смотреть на вещи в соответствии с действительностью, то после смутного времени, которое мы теперь переживаем, наступят снова благие времена, придёт время исцеления. Посев должен созреть. Но правильным, урожайным посевом будет, если вы сегодня примете в свои души мысли о действительности, о которых мы сможем сказать прямо: с такими мыслями мы

можем найти понимание, согласие и с умершими. Ведь так часто теперь с болью слышишь слова, идущие со всех сторон, что мы будто бы «в долгу перед умершими, погибшими». Там, где событие, которое ещё ради удобства называют войной, - ибо оно стало чем-то совершенно иным, - там, где это событие желают продолжать, декларируется всюду, что мы, мол, должны павшим, мы в долгу у мёртвых! Если бы люди знали, какое богохульство они тем самым высказывают, утверждая, что наш долг перед павшими - продолжать кровопролитие, если бы эти люди знали, как относятся к этому умершие, то они хотя бы от такого богохульства воздержались!

Итак, дорогие друзья, благодаря подробным описаниям того, что исходит от людей, вы видите, сколь необходимо построить мост между живыми и умершими. И духовная наука строит этот мост, она делает возможным найти взаимопонимание с теми, кто прошёл через врата смерти. Общая жизнь охватывает человеческие души, - и тех, кто в теле, и тех, кто живет между смертью и новым рождением, - общая жизнь охватывает их, если мы понимаем человеческое существо в его основах; жизнь в теле или жизнь вне тела - есть лишь две различные формы одной и той же всеобъемлющей жизни. И в познании того, что человек имеет две различных формы жизни, будь он в теле, или будь он без тела, в этом познании, воспринятом конкретно, заложено благо, исцеление для будущего, но только при условии, что люди живо и действительно проникнутся этой идеей.